

НА СПЕКТАКЛЯХ
ПОЛЬСКОГО
ТЕАТРА

ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Т. МОТЫЛЕВА

На многих москвичей, просмотревших уже несколько спектаклей Польского театра, особое впечатление произвела постановка пьесы Леона Кручковского «Юлиус и Этель». Именно она особенно наглядно обнаруживает то новое, что выросло в литературе и театре Польши за годы народной власти. Она представляет собою крупную победу социалистического реализма в польском искусстве, и честь этой победы в равной мере принадлежит и автору Леону Кручковскому, и режиссеру Александру Бардину, и актерскому коллективу.

«Юлиус и Этель» — пьеса политическая и в то же время философская. В ней идет речь о гибели супругов Розенберг, казненных по воле американской реакции. Пьеса разоблачает варварство буржуазного правосудия, говорит о силе простых людей, борющихся за мир. И она поднимает в то же время большие вопросы — о смысле человеческой жизни, о достоинстве человека, о смерти и бессмертии.

Тяготение к героической теме издавна свойственно польской литературе. За свою многовековую историю народ Польши много страдал, боролся за свои права, и писатели этого народа не раз воспевали стойкость людей, способных противостоять реакционным силам. Пафос человеческого достоинства, утверждение бессмертия человека-борца звучат в польской поэзии разных периодов — от стихов Мицкевича и «Завещания» Словацкого до стихотворения Владислава Броневского «На смерть революционера». В передовой литературе нашего века эта тема бессмертия приобрела новые черты по сравнению с творчеством великих романтиков: она стала земной, нашла прочную опору в реальной жизни.

Мы знали раньше Кручковского-драматурга по его пьесе о послевоенной Польше «Возмездие» и по его драме «Немцы», которая легла в основу фильма «История одной семьи», известного советскому зрителю. В новой пьесе о Юлиусе и Этель также сказываются характерные черты драматургического мастерства Кручковского. Тут есть четко слаженное действие, в котором судьбы рядовых людей очень естественно, непосредственно отражают большие исторические конфликты. Тут есть содержательный, напряженный, немногословный диалог, где сталкиваются не только страсти, но и идеи, не только характеры, но и мировоззрения. Но есть тут и нечто новое. Образы Юлиуса и Этель — многогранные, эмоционально богаче, чем положительные герои других пьес автора.

Неожиданно, смело строит Кручковский свою пьесу. Если в «Немцах» действие развертывалось в разных странах Европы, тут оно все время остается в пределах одного здания — тюрьмы Синг-Синг. Всего две декорации: камера Этель и кабинет прокурора. Число действующих лиц — минимальное. От начала до конца действия проходит всего несколько часов. Именно таким путем драматург доводит идейное и психологическое напряжение до высокой концентрации.

У читателя, не знакомого с пьесой и спектаклем, может возникнуть сомнение: не слишком ли узки, камерны рамки действия? Не лучше ли было бы вынести драму за стены тюрьмы, передать тот отзвук, который получило дело Розенбергов в самой Америке и во всем мире? Но нет, драматургу удалось вместить в эти, казалось бы, узкие рамки очень и очень многое. Ожесточенность, с которой ведется борьба внутри тюрьмы, дает представление о том, какой резонанс и какое политическое значение приобрела судьба двух невинно осужденных. Из скучных, невольных признаний прокурора и судьи мы можем сделать вывод о том, какой большой моральный урон потерпела палата. А записка, полученная Юлиусом с «волн» накануне казни, — крохотный клочок бумаги со словами приветия и сочувствия, напоминает о тех многочисленных невидимых друзьях, присутствие которых столь живо ощущали осужденные от начала и до конца своего пребывания в тюрьме.

Действие пьесы начинается, когда смертный приговор уже утвержден Белым домом. Конец ясен, он предreshен. И тем не менее на сцене развертывается острейший, богатый переживаниями поединок, за которым зритель следит, заставив дыхание. Власти хотят, чтобы Розенберги признали себя виновными: тогда смертный приговор будет отменен. Их соблазняют радостями жизни, им напоминают о детях, которым предстоит остаться сиротами... Но Юлиус и Этель непреклонны.

В «Песне филаретов» Мицкевича есть слова, давно уже ставшие в Польше крылатыми: «Позеряй силы по цели, а не цель по силам!». Юлиус и Этель Розенберг показаны в пьесе такими, какими они были в жизни. Это не политические лидеры, не выдающиеся личности. Это просто хорошие люди, которые хотели бы жить мирно и честно трудиться. Сложным стечением обстоятельств они поставлены в центр великой политической борьбы. Перед ними стоит большая цель: продолжать морально сопротивляться своим врагам до последней секунды. Сознание исторической ответственности, которая лежит на них, удесятеряет их силы и превращает их в героев.

Волнующе обаятельна Галина Михайловская в роли Этель. Вот она в начале первой картины сидит на тюремной койке, как бы свернувшись в комочек. Восковая бледность лица, опущенные веки, слегка помятое платье, небрежно заботные волосы — весь ее облик говорит о пережитых страданиях. Ведь она не знала до последнего дня, будет ли утвержден смертный приговор... а жить так хочется, так хочется! Иытка надеждой — это было самое страшное. Но именно теперь, когда исход дела решен, Этель собирает силы. Уже при первом появлении прокурора в ее голосе начинают звучать металлические нотки. Нет, она не уступит, не сдастся. Но жить все-таки так хочется! В камеру впускают Юлиуса. Супругам разрешили провести последние часы вместе. Хрупкая женщина порывисто обнимает мужа, проводит худенькой ручкой по его спине. И обыкновенные слова: «Как я люблю тебя!» звучат высокой поэзией чистой человеческой страсти.

Удивительный актер Тадеуш Бондрат! В пьесе Е. Юрандота «Такие времена» он обнаруживает тонкое, очень своеобразное комедийное дарование. А в роли Юлиуса он вместе с Галиной Михайловской потрясает силой трагизма. У Юлиуса — Бондрата совсем не героическая внешность. Неправильные черты лица, редкие волосы, очки, узкие плечи, а на лице выражение неизяненного добролюпия. Он выглядит, как человек, который большую часть жизни провел за письменным столом, а в свободные часы помогал жене по дому или рассказывал детским забавным историям. Но в этом человеке с негромким голосом и сдержанными движениями заключена большая сила характера. Он спокоен и непоколебим.

Лагерь врагов представлен прокурором, судьей, начальником тюрьмы, приятельницей прокурора — пустой, накрашенной дамочкой Джесси. Все исполнители этих ролей хороши — они играют выразительно и вместе с тем без нажима. Каждый из них на свой лад воплощает тупую жестокость заокеанского образа жизни. Среди отрицательных персонажей особенно запоминается Дэви Гринглас, роль которого играет Т. Сурбва. Дэви — мерзавец из мерзавцев. Он поистине достоин находиться в девятом кругу дантова ада вместе с Пудой. Это он, будучи арестован, попытался облегчить свою участь ложным доносом на свою сестру Этель и ее мужа Юлиуса. Историческое поведение Грингласа в день казни составляет разительный контраст с чистым и гордым спокойствием Розенбергов.

Хочется особо отметить двух участников спектакля, обозначенных в программе под тремя звездочками. Это юные исполнители ролей Майкла и Роберта Розенберг. Милые белокурые школьники, растущие в свободной стране, чутко передают трагедию своих американских сверстников. Вот они входят в кабинет прокурора, чтобы спросить: когда же им разрешат свидание с родителями? Ведь они ждут уже много часов. Майкл, подходя к прокурору, передает цветы, принесенные для родителей, своему младшему брату Роберту. Он разговаривает с чужим и злым дядей без страха, вежливо и с оттенком настойчивости. А Роберт стоит поодаль, лично его напряженно и вместе с тем спокойно... Потрясающая минута!

В драматургическом мастерстве Кручковского есть одна оригинальная черта, которая ярко сказалась и в этой пьесе. У него вещи — не просто аксессуары действия. Они иной раз, так сказать, сами действуют, с ними связаны не только разговоры, но и переживания людей. В пьесе «Юлиус и Этель» очень важную сюжетную функцию выполняют телефон и часы, установленные в камере в день казни. Они должны напоминать осужденным о том, что связаться с прокурором для признания своей «вины» еще не поздно... Эти неодушевленные предметы, которые, по замыслу прокурора, должны были быть орудием психологического давления на Розенбергов, становятся немymi свидетелями их морального торжества.

Последняя сцена — самое сильное, что есть в этом сильном спектакле. В камере темно. Освещены только фигуры Этель, сидящей на койке, и Юлиуса, расположенного на полу, у ее ног. Ярким розовым пятном выделяются цветы в руках Этель: значит, свидание с детьми все-таки состоялось. Супруги тихо беседуют. Телефон убрал, поединок с прокурором окончен, вот-вот за ними придут. И Юлиус и Этель выходят на авансцену. Их лица светлеют, голоса крепнут. — оба они хорошеют и даже как будто становятся выше ростом. Они произносят вдохновенные прощальные слова, обращенные ко всему человечеству... Драматург решительно отступает здесь от бытового правдоподобия, не боится на несколько минут превратить своих героев в «рупоры духа времени». Он чувствует себя вправе сделать это именно потому, что на протяжении всех шести картин зритель ощущал Юлиуса и Этель как живых людей. Возвышенная символика финала естественно смыкается со строго реалистическим стилем всего спектакля.

Большая изумительная мощь заключена в движении народов за мир! Это движение пробуждает неизведанные духовные, творческие силы в самых различных людях и вдохновляет лучших писателей наших дней. В современной литературе мы все чаще встречаем произведения, авторы которых стремятся проникнуть в жизнь других народов. Назым Хикмет воспевае свободную Венгрию. Пабло Неруда — Варшаву и Прагу. Николай Тихонов пишет о народах Индии и Пакистана. Анна Зегерс — о простых людях разных стран, совершающих свой «первый шаг» в борьбе за мир. Дмитрий Еремин и поляк Юлиан Стрыйковский написали книги об Италии. Француз Жан-Пьер Шаброль и поляк Мирослав Жулавский — о Вьетнаме. Константин Симонов и Аугуст Якобсон, Фридрих Вольф и Пьер Куртад создали произведения, показывающие борьбу сил прогресса и реакции в Соединенных Штатах Америки. Ныне Леон Кручковский написал пьесу из американской жизни, глубоко родственную и по теме и по духу одному из лучших произведений современной литературы США — роману Говарда Фаста о подвиге Сакко и Ванцетти. Все это ярко свидетельствует о великой силе международного братства, соединяющей передовых писателей нашего времени.